

ЭРИН КЕЛЛИ

ОН СКАЗАЛ/
ОНА СКАЗАЛА

Издательство АСТ
Москва

Моей сестре Шоне

У полного солнечного затмения пять фаз.

Первая — на солнечный диск напоззает тень от Луны, откусывая край.

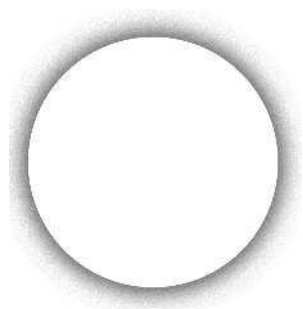
Вторая — Луна накрывает Солнце, лишь по краям сочится свет; получается сияющее кольцо.

Третья — Солнце закрыто полностью. Самый жуткий и драматичный из всех этапов. Становится темно, резко холодает, умолкают птицы и звери.

Четвертая — Луна понемногу сползает.

Пятая — Луна больше не закрывает Солнце, затмение миновало.

Мы стоим плечом к плечу перед грязным зеркалом. Наши отражения, сталкиваясь взглядом, поспешно отводят глаза. Мы обе в черном. Так диктуют приличия; ни одну из нас не судят, но мы обе знаем, что в подобных делах всегда винят женщину.

Туалетные кабинки позади пусты, все двери открыты. В суде сказали бы, что тайна соблюдена. Следить за словами надо не только в комнате для дачи показаний.

Я кашляю. Звук отражается от стен, выложенных кафельной плиткой, и эхом улетает в коридор. Здесь множатся все звуки: стук казенных дверей, скрип тележек, заполненных тяжелыми папками. Высокие потолки ловят слова и, коверкая, сбрасывают вниз.

В здании суда все несоразмерно — огромные залы, открытые пространства. Так строят специально, чтобы человек ощущал себя маленьким и ничтожным по сравнению с всемогущей машиной правосудия и проникался значимостью каждого произнесенного под присягой слова.

Время и деньги тоже несоразмерны. Правосудие заглатывает золото. Свобода человека стоит десятки тысяч фунтов. На украшения Салли Балкомб, сидящей в зале, можно купить небольшую квартиру в Лондоне. Даже кожа, которой обтянуто судейское кресло, источает запах денег.

Но в туалете все равны. Здесь, например, не работает слив, нет мыла и не закрываются дверцы. Вдобавок ко всему подтекают бачки, отчего тихо говорить невозможно. Если бы мне вдруг захотелось что-то сказать, пришлось бы кричать.

Рассматриваю отражение с головы до ног. Покрой платья скрывает изгибы фигуры. Я собрала волосы — длинные, блестящие (первое, что привлекло во мне Кита; он сказал, что заметил бы их в полной темноте) — в низкий пучок. Мы обе смотримся... тихонями. Нас не узнать в тех девушках с фестиваля, которые разрисовывали тела золотой краской, чтобы петь и танцевать в лунной ночи. Обе ушли безвозвратно, каждая своим путем.

Снаружи хлопнула дверь, и мы вздрогнули. До меня вдруг доходит: она тоже на нервах. Отражение закрывает глаза и задает безмолвные вопросы — слишком значительные, слишком опасные, чтобы произнести их вслух.

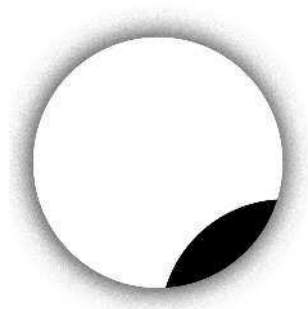
Как мы дошли до такого?

Как мы здесь оказались?

Чем все это закончится?

Первая фаза

Глава 1

ЛОРА

18 марта 2015-го

Лондон — самый беззвездный город Британии, но даже здесь, на северной окраине, в четыре утра можно разглядеть звезды. В нашей мансарде потушены огни, и мне не нужен телескоп Кита, чтобы узнать Венеру: бледно-голубая сережка висит у лунного полумесяца.

Сам город за моей спиной. Отсюда открывается вид на пригородные крыши, самая известная из которых — крыша Александра-палас*. При свете дня это викторианское чудовище из чугуна, кирпича и стекла; в пред-рассветные часы оно колет небо острыми антеннами с красными огоньками на концах. Ночной автобус того же цвета катится по пустой парковой аллее. В этой части Лондона жизнь и в самом деле бурлит двадцать четыре часа в сутки. В Вест-Энде куда тише. Как только закрывается турецкая забегаловка, из польской пекарни вывозят первую партию хлеба. Я не сама выбрала эту часть города, но мне здесь нравится. Можно жить и ни с кем не знакомиться.

Этажом ниже сладко спит Кит. Уезжает из дома он, однако не спится мне. Нервничаю перед дорогой. Я давно не сплю. И не потому, что изнутри меня толка-

---

* Культурно-развлекательный центр Викторианской эпохи площадью тридцать тысяч квадратных метров, возведенный в Александропарке, названном в честь бракосочетания принца Уэльского с датской принцессой Александрой. — *Здесь и далее примеч. пер.*

ют малыши и от этого постоянно хочется в туалет. Кит сказал однажды, что жизнь — это скучный промежуток между затмениями. Но мне думается, что жизнь — это время, когда чувствуешь себя в безопасности. Бесс дважды пересекла мир, чтобы нас найти. Мы оставляем за собой след, только когда путешествуем. Пару лет назад я наняла частного детектива и поручила ему отыскать нас по бумагам, которые остались от прошлой жизни. Не сумел. А если он не сумел — никто не сумеет. Уж во всяком случае не Бесс и даже не Джейми со всеми его возможностями. Последнее письмо от него сумело меня отыскать четырнадцать лет назад.

Впервые с двадцати одного года Кит будет смотреть полное затмение без меня. Даже те, что он пропустил, он пропустил со мной, то есть из-за меня. Конечно, в моем положении не стоит разбегаться, и я так рада, что даже не завидую, хотя и очень волнуюсь за Кита. Бесс меня знает. Она знает нас. Знает, что причинить ему вред значит уничтожить меня.

Наблюдаю, как медленно движется месяц. Это наблюдение — действие преднамеренное и осознанное, часть терапии под названием «Живи моментом», призванной прекратить приступ паники. Предательский симптом — волоски на предплечьях встали дыбом, такое ощущение, что кто-то натянул над кожей паутинку. По-научному это называется соматическим проявлением психологической травмы. Я должна следить за собой, чтобы отделить соматическую часть от психологической. Я мысленно соединяю между собой точки созвездий. Вот Орион, а чуть ближе к северу — Семь Сестер, или Плеяды.

Раскачиваюсь взад и вперед, ощущая босыми стопами ворсинки ковра. Нельзя, чтобы Кит видел меня такой... беспокойной. Могу предсказать, что случится — поездка накроется, он предложит мне возобновить курс психотерапии, и я буду ходить туда, сколько смогу. С моими секретами далеко не продвинешься. Психоаналитики

утверждают, что врачебная тайна превыше всего; лежа на священной кушетке из «Икеи», поведать можно что угодно. Но я нарушила закон, как в этом признаться? За подобное преступление срока давности в нашей стране не предусмотрено, впрочем, как и в моем сердце.

Дыхание восстанавливается. Отворачиваюсь от окна. В потемках все же видно карту Кита. Не первую, конечно, — оригинал уничтожен, — но точную, кропотливо воссозданную копию. Огромная карта мира испещрена аккуратно наклеенными, до миллиметра вымеренными нитями — красными и золотыми. Золотыми дугами обозначены затмения, которые мы видели, красными — те, что предстоят. По традиции, возвращаясь домой, мы заменяли красные на золотые. (Кит не был бы собой, если бы не высчитал приблизительную продолжительность собственной жизни, основываясь на семейной истории и образе жизни. Он предполагает закончить путешествовать в девяносто, учитывая старческую немощь. Последнее затмение нам предстоит посмотреть в 2066-м.)

Несколько лет назад Бесс водила пальцами по первой карте, пока я расписывала ей наши планы.

Интересно, где она теперь? В каком уголке планеты? Жива ли? Я никогда не желала ей зла, несмотря на то что нам довелось из-за нее пережить. В каком-то смысле она тоже жертва. Но если бы ее можно было как-нибудь... стереть, что ли. Разузнать о ней никак не выйдет. Наберите в поисковике «Элизабет Тейлор». Кроме информации об актрисе или романистке, много ли найдете? Искать по запросу «Бесс» еще бессмысленней. Ей, как и нам, успешно удалось исчезнуть без следа.

Долгие годы я не пыталась разыскивать Джейми. Слишком неловко, особенно после той роли, что я сыграла в этой истории. Организованная им кампания по защите доброго имени прошла удачно. Результаты запро-